

Устоявшаяся привычка не считать тот или иной предмет неправильным порождает обманчивую видимость его правильности и поначалу вздымает волну гневных криков в защиту традиций. Но вскоре вся эта шумиха стихает. Время создает больше обращенных, чем разум.

Томас Пейн

Глава 1

Нулевая отметка

12 мая

Свой последний вечер в качестве теплокровной Фиби Тейлор провела так, как и надлежало примерной дочери.

На этом настояла Фрейя.

— Давайте не будем устраивать лишний шум, — возражала Фиби, надеясь обойтись непринужденным прощанием в отеле, где остановилась ее семья.

Можно подумать, она просто уезжала на несколько дней в отпуск.

— Ни в коем случае, — пренебрежительно наморщила свой длинный нос Фрейя. — Де Клермонам не свойственно отмечать такие события втихаря... речь, естественно, не о Мэтью. Мы все устроим должным образом. Совместный обед. Это твой долг.

Вечернее торжество, устроенное Фрейей для семьи Тейлор, было простым, элегантным и совершенным во всем: от погоды (безупречный майский вечер), музыки (каждый ли парижский вампир играет на виолончели?), цветов (из сада принесли розы мадам Харди, способные наполнить ароматом весь город) и до вина (Фрейя обожала шампанское «Кристалл»).

Отец, мать и младшая сестра Фиби прибыли к назначенному времени — в половине девятого. Отец облачился в смокинг, мать — в бирюзовое, с золотой вышивкой лехенга-чоли, а на

Стелле все было от Шанель. Фиби нарядилась в скучное черное, добавив к платью изумрудные сережки, подаренные Маркусом накануне его отъезда из Парижа, и туфли на высоком каблуке, которые нравились не только ей, но и Маркусу.

Узкий круг, состоящий из теплокровных и вампиров, начал торжество с напитков, поданных в саду. Сад находился позади внушительного дома Фрейи в Восьмом округе, одного из частных райских уголков, которые сохранились в Париже даже сейчас, через сто с лишним лет урбанизации с ее вечной нехваткой пространства. Семейство Тейлор привыкло к просторному жилью. Отец Фиби был профессиональным дипломатом. Мать происходила из индийской семьи, члены которой поколениями состояли на британской колониальной государственной службе. Но привилегия принадлежности к семье де Клермон имела совершенно иной уровень.

Стол, за которым расположились гости, виновница торжества и хозяйка, был уставлен фарфоровой посудой и хрустальными стаканами и бокалами. Высокие окна комнаты выходили в сад. Летом в них появлялось солнце. Угощение готовил молчаливый повар Шарль. Де Клермоны неизменно пользовались его услугами, когда на обед в их парижские дома приглашались теплокровные. Шарль обожал Фиби и не жалел ни сил, ни денег.

— Сырые устрицы — знак того, что Бог любит вампиров и хочет видеть их счастливыми, — объявила Фрейя, поднимая первый тост.

Фиби заметила: Фрейя произнесла слово «вампир» свободно и непринужденно, словно частое его повторение могло нормализовать новое жизненное состояние, в которое Фиби предстояло перейти.

— За Фиби! Счастья и долгой жизни ей! — закончила тост Фрейя.

Тост не способствовал аппетиту у родных Фиби. Сознывая, что она в последний раз ест привычным образом, Фиби с тру-

дом проталкивала куски в горло. Она заставила себя съесть несколько устриц и выпить шампанским, затем отведала чуть-чуть других блюд. Закуски сменились супом, затем рыбой, уткой и десертом («Фиби, дорогуша, это твой последний шанс!»). Все это время Фрейя вела оживленный разговор с родителями Фиби, легко переходя с французского на английский и хинди и не забывая потягивать вино.

— Нет, Эдвард. Я сомневаюсь, что найдется такое место, где бы я не побывала. Знаете, я часто задаюсь вопросом: а не был ли мой отец изначально дипломатом?

Этим ошеломляющим утверждением Фрейя намеревалась выудить у отца Фиби, привыкшего обдумывать каждое слово, сведения о начале его дипломатической карьеры.

Исторические суждения Фрейи могли быть или не быть точными, но Филипп де Клермон явно научил свою дочь сглаживать острые углы в подобных застольных разговорах.

— Как вы сказали? Ричард Мейхью? Наверняка я была с ним знакома. Франсуаза, когда мы были в Индии, мне же встречался джентльмен с такими именем?

Эта наблюдательная, все подмечающая служанка появлялась не иначе как в тот момент, когда хозяйке требовалось ее присутствие. Казалось, она настроена на особую вампирскую частоту, неслышимую для простых смертных.

— Возможно, — только и ответила немногословная Франсуаза, однако каждое ее слово имело несколько смысловых уровней.

— Конечно же я с ним встречалась. Высокий? Волосы песочного цвета? Обаятельный, причем на манер старшеклассника?

Фрейю не смутил ни хмурый ответ Франсуазы, ни то, что подобному описанию соответствовала едва ли не половина британского дипломатического корпуса.

Решимость и оптимизм Фрейи казались Фиби непрошибаемыми.

— До скорой встречи, — весело щebetала Фрейя в конце вечера, расцеловав всех троих Тейлоров; прикосновение холод-

ных губ к одной щеке, затем к другой. — Падма, мой дом всегда открыт для вас. Когда снова будете в Париже, обязательно позвоните. А вас, Стелла, я приглашаю на зимние показы мод. Отсюда до всех домов моды рукой подать. Франсуаза с Шарлем о вас позаботятся. Разумеется, «Георг Пятый» — превосходный отель, но там вечно тьма-тьмуцающая туристов... Эдвард, я всегда отвечаю на звонки.

Мать Фиби держалась, по обыкновению, стойко и не проронила ни слезинки, хотя на прощание обняла дочь крепче прежнего.

— Ты поступаешь правильно, — шепнула Падма Тейлор в ухо дочери, перед тем как выпустить ее из объятий.

Полюбить кого-то настолько сильно, что готов отдать всю свою прежнюю жизнь в обмен на обещание новой. Падма понимала смысл такой любви.

— Ты обязательно проверь, чтобы в добрачном контракте были прописаны все щедрости, о которых сладко пела эта Фрейя, — пробормотала Стелла, выходя за порог. — На всякий случай. Домик-то у нее обалденных бабок стоит.

Решение Фиби Стелла воспринимала исключительно сквозь призму собственных ценностей, где на первом месте стояли гламур и стильность. Сильнее всего сестру впечатлил покроем винтажного красного платья Фрейи.

— Вы про это? — засмеялась Фрейя, услышав восторги Стеллы, и ненадолго застыла и наклонила голову с пучком волос соломенного цвета, давая Стелле возможность полюбоваться платьем и фигурой. — Оно от Баленсиаги. Я уже и не помню, когда его покупала. Да, был тогда человек, понимавший толк в устройстве корсажей!

Тяжелее всех прощание далось отцу Фиби. Его глаза, полные слез (за обедом Фрейя заметила, что у них одинаковые глаза), искали в глазах дочери намек на то, что ее решимость может дрогнуть. Когда Падма со Стеллой вышли за ворота, отец увел Фиби подальше от крыльца, где ждала Фрейя.

— Пап, это ведь совсем недолго, — сказала Фиби, пытаясь подбодрить отца.

Но оба знали: пройдет не один месяц, прежде чем ей вновь разрешат видиться с родными. Это делалось не только для их безопасности, но и для ее собственной.

— Фиби, ты уверена? — допытывался отец. — Абсолютно уверена? Пока еще есть время передумать.

— Я уверена.

— Хотя бы ненадолго прислушайся к голосу разума, — сказал Эдвард Тейлор, и в его голосе прозвучала мольба. У него имелся опыт ведения деликатных переговоров, и порой, чтобы сдвинуть их ход в свою пользу, он не гнушался давить на чувство вины. — Ну почему бы не подождать еще несколько лет? В столь кардинальных решениях скоропалительность только вредит.

— Я не собираюсь передумывать, — тихо, но твердо ответила Фиби. — В таких вопросах, папа, решает не разум, а сердце.

Члены семьи, в которой Фиби появилась и выросла, покинули дом. Она осталась в обществе Шарля и Франсуазы — верных слуг де Клермонов, — а также Фрейи. Последняя доводилась сводной сестрой создателю жениха Фиби. По вампирским понятиям, близкой родственницей.

После ухода Тейлоров Фиби поблагодарила Шарля за прекрасный обед, а Франсуазу — за внимательное отношение к гостям. Затем она прошла в гостиную, где Фрейя читала электронную почту. Ответы хозяйка дома писала от руки на кремовых карточках с каймой лавандового цвета. Карточки Фрейя вкладывала в плотные конверты.

Поинтересовавшись, почему Фрейя не отвечает на электронные письма общепринятым образом, Фиби услышала:

— Не вижу необходимости хвататься за эти новомодные средства мгновенного общения. И ты, дорогуша, вскоре убедишься, что вампирам вовсе не требуется скорость. Спешить — это слишком по-человечески и где-то даже вульгарно. Можно подумать, будто мы испытываем нехватку времени.

Добросовестно высидев с теткой Маркуса целый час, Фиби решила, что все приличия соблюдены.

— Пойду-ка я ложиться, — сказала она, притворно зевая.

На самом деле ей сейчас меньше всего хотелось спать.

— Передай Маркусу мою любовь, — ответила Фрейя, изящно лизнув клейкий слой и плотно запечатав очередной конверт.

— Как ты... — Изумленная Фиби уставилась на Фрейю. — В смысле, откуда ты...

— Это мой дом, а потому я знаю все, что в нем происходит. — Фрейя приклеила марку в угол конверта, убедившись, что та не легла криво. — Например, я знаю, что Стелла принесла тебе целых три дешевых мобильных телефона. Ты их вытаскивала, когда ходила в туалет. Полагаю, затем ты их спрятала у себя в комнате. Естественно, не среди нижнего белья. Ты ведь более изобретательная девочка. Правда, Фиби? И не под матрас. Думаю, ты запихнула их в коробку с солью для ванн и поставила на подоконник. Или засунула в туфли. В те, на каучуковой подошве, которые надеваешь на прогулки. А может, телефоны лежат на верхней полке гардероба, в сине-белом пластиковом мешке, оставшемся у тебя после похода к бакалейщику в среду?

Третья догадка Фрейи была верна. Да, телефоны лежали там, в пластиковом мешке. Внутри еще сохранялся слабый запах чеснока. Чеснок Шарль употребил на приготовление потрясающей тушеной рыбы. Маркус собрался нарушить правила и общаться с Фиби по телефону. Фрейя не считала это хорошей затеей.

— Ты нарушаешь договоренности, — сухо произнесла Фрейя. — Но ты взрослая женщина, наделенная свободой воли и способная сама принимать решения.

Договоренность запрещала Маркусу и Фиби разговаривать друг с другом, пока со дня превращения ее в вампира не пройдет девяносто дней. Оба задумались о способах обхода правила. К сожалению, единственный телефонный аппарат в доме Фрейи находился в холле, где все могли слышать твой разговор. Да и работала эта древность на редкость скверно. Звонок

у аппарата был резким. Когда поступал вызов, молоточек с такой силой лупил по спрятанным внутри металлическим чашечкам, что трубка на медном рычаге подсакивала. Но стоило ее поднять, и линия почти всегда замолкала. Фрейя приписывала это скверно сделанной проводке, обвиняя одного высокопоставленного нациста из внутреннего окружения Гитлера. Менять проводку и аппарат она не собиралась.

Оценив все диковинные особенности связи в доме Фрейи, Маркус предпочел более современные и скрытные устройства: дешевые одноразовые мобильники. В этом ему помогли Стелла и его друг Натаниэль. По словам Натаниэля, такими мобильниками пользовались преступники международного уровня и террористы. Отследить звонки по ним было невозможно — это на случай, если Болдуин или кто-нибудь из вампиров захочет шпионить. Мобильники Фиби с Маркусом покупали в одном из магазинчиков с сомнительной репутацией. Сам магазинчик находился в Десятом округе и прятался среди более респектабельных заведений той улицы.

— Смею надеяться, ты понимаешь все риски своей затеи и потому не увязнешь в долгом разговоре. — Фрейя оторвалась от компьютерного экрана и написала адрес на очередном конверте. — Ты же не хочешь, чтобы Мириам тебя застукала.

Мириам охотилась в окрестностях Сакре-Кёр и должна была вернуться после полуночи. Фиби бросила взгляд на часы, украшавшие каминную полку, — экстравагантное изделие из золота и мрамора. Двое обнаженных мужчин, согнув спины, держали круглый шар с часовым механизмом, как обычно держат пляжный мяч. До полуночи оставалась одна минута.

— Тогда спокойной ночи, — сказала Фиби, благодарная Фрейе за то, что та не только на три шага опережает их с Маркусом, но и находится хотя бы на шаг впереди Мириам.

Фрейя что-то промывчала, поглощенная страницей на компьютерном экране.

Фиби поднялась наверх. Ее комната находилась почти в конце длинного коридора, стены которого украшали старин-

ные французские пейзажи. Толстый ковер гасил шаги. Войдя к себе и закрыв дверь, Фиби подошла к гардеробу (стиль ампир, около 1815 года) и сдернула пластиковый мешок. Быстро достав оттуда один из мобильных, она включила телефон. Батарея была полностью заряжена. Оставалось лишь позвонить.

Прижимая мобильник к сердцу, Фиби проскользнула в прилегающую к ее комнате ванную и тоже закрыла дверь. Две закрытые двери и просторное помещение, облицованное толстой мозаичной керамической плиткой, были единственными атрибутами уединения, доступными в вампирском доме. Фиби сбросила туфли, улеглась в одежде в холодную пустую ванну и только потом набрала номер Маркуса.

— Привет, дорогая. — В голосе Маркуса, обычно теплом и беззаботном, отчетливо звучала тревога. — Как прошел обед?

— Чудесно, — соврала Фиби.

Она поудобнее устроилась в ванне в эдвардианском стиле, с замечательной высокой спинкой и удобным изгибом для шеи.

Тихий смех Маркуса свидетельствовал, что жених не слишком-то верит ее ответу.

— Два крохотных кусочка десерта. А все остальное — там отщипнула, здесь ковырнула? — поддразнивал он невесту.

— Один кусочек десерта. Шарль, бедняга, так старался.

Фиби наморщила лоб. Нужно будет как-нибудь загладить вину перед поваром. Подобно большинству кулинарных гениев, Шарль очень обижался, когда видел тарелки с недоеденными или, хуже того, нетронутыми блюдами.

— Никто и не ждал, что ты наешься до отвала, — сказал Маркус. — Обед устраивался не для тебя, а для твоих родных.

— Там много чего осталось. Все, что можно было собрать, Фрейя отдала маме.

— Как держался Эдвард? — спросил Маркус, знавший о сомнениях отца Фиби.

— Папа был в своем репертуаре. Снова пытался отговорить меня от нашего плана. — В трубке воцарилось молчание; когда оно затянулось, Фиби поспешила успокоить Маркуса: — Папины уговоры не сработали.

— Эдвард хочет, чтобы ты не сомневалась в принятом решении, — тихо произнес Маркус.

— Я-то уверена. Но почему меня без конца спрашивают об этом? — не выдержала Фиби, даже не пытаясь скрыть раздражение.

— Они тебя любят, — простодушно ответил Маркус.

— Тогда пусть прислушаются к моим словам. Я хочу быть с тобой.

Это оставалось единственным желанием Фиби. С тех пор как в Сет-Туре она познакомилась с Изабо, Фиби просто жаждала обрести неисчерпаемый источник времени, который был у вампиров.

Фиби начала изучать повадки Изабо. Казалось, Изабо целиком погружается в каждое занятие. Ничто не делалось второпях или ради того, чтобы вычеркнуть это дело из бесконечного списка других дел. В каждом движении Изабо ощущалось уважение и даже почтение к миру, в котором она жила. Она неторопливо нюхала цветы у себя в саду. Фиби восхищалась кошачьей грациозностью бесшумных шагов Изабо. Дочитав главу в книге, она делала паузу и не спешила браться за следующую. У Изабо не было ощущения, что время закончится раньше, чем она успеет насладиться процессом и получить удовольствие от того или иного дела. Фиби вечно не хватало времени. Она не успевала дышать. С рынка — бегом на работу. Оттуда — в аптеку, за лекарством от простуды. Из аптеки — к сапожнику, чтобы поменять каблуки. И снова на работу.

Но своими наблюдениями Фиби с Маркусом не делилась. Он и так скоро узнает ее мысли, когда они снова окажутся вместе. Затем Маркус вкусит крови из ее сердечной вены — тонкого синего ручейка, пересекавшего левую грудь, — и узнает самые потаенные ее секреты, самые мрачные страхи и самые

сокровенные желания. Кровь из сердечной вены содержала все, что мог скрывать твой возлюбленный или возлюбленная. Вкушение этой крови устанавливало искренность и доверие, без которых их отношения не смогут развиваться.

— Помнишь, мы условились, что будем последовательно делать шаг за шагом? — Вопрос Маркуса вернул Фиби к разговору. — Сначала ты становишься вампиром. Затем, если тебе по-прежнему захочется жить со мной...

— Захочется. — В этом Фиби была абсолютно уверена.

— Если ты по-прежнему захочешь жить со мной, — повторил Маркус, — мы поженимся, и ты накрепко прилепишься ко мне. В богатстве и бедности.

Репетиция брачных клятв превратилась у них в постоянное занятие. Иногда Фиби и Маркус сосредоточивались на какой-то одной строчке и делали вид, будто это условие будет трудно соблюсти. Порой со смехом повторяли все строки, удивляясь скромности запросов, установленных клятвами, по сравнению с чувствами, которые они питали друг к другу.

— В болезни и здравии.

Фиби еще глубже погрузилась в ванну. Холодная эмаль напомнила ей Маркуса. Жесткие изгибы спинки вызвали желание, чтобы Маркус сидел у нее за спиной, обнимая ее руками и ногами.

— Отвергая всех прочих. Навеки.

— Навеки — это лишь длинный отрезок времени, — предупредил ее Маркус.

— Отвергая всех прочих, — повторила Фиби, намеренно сделав упор на слове «всех».

— В этом у тебя сейчас нет полной уверенности. И не будет, пока ты не узнаешь меня кровь-в-кровь, — ответил Маркус.

Их редкие ссоры вспыхивали после подобных диалогов. Слова Маркуса намекали, что он потерял к ней доверие, а Фиби тут же принималась защищаться. Ссоры обычно гасились у Маркуса в постели, где оба старались как можно полнее

удовлетворить друг друга. И хотя они не знали друг о друге всего, пока не знали, каждый успел накопить определенный объем знаний.

Однако сейчас Фиби находилась в Париже, а Маркус — в Оверни, а потому телесный контакт между ними был невозможен. Более мудрая и опытная женщина попросту сменила бы тему, но двадцатитрехлетняя Фиби находилась в раздраженном состоянии. К тому же ее тревожило то, что с ней случится в самом ближайшем будущем.

— Не знаю, с чего ты решил, будто это я передумую, а не ты. — Фиби старалась, чтобы слова звучали легко и игриво, но, к ее ужасу, вместо игривости получался упрек. — И потом, я знаю тебя только вампиром. Другого опыта у меня нет. А вот ты влюбился в меня как в теплокровную.

— И буду дальше тебя любить. — Хорошо, что Маркус ответил быстро. — Моя любовь не изменится, даже если изменишься ты.

— Не исключено, что тебе станет противен мой вкус. Надо было бы еще прежде заставить тебя устроить мне проверку, — сказала Фиби, пытаясь затеять словесное сражение.

Возможно, Маркус и не любил ее настолько, насколько ему казалось. Рациональный ум Фиби знал: это чушь, а вот иррациональная часть, которая и управляла ею в данный момент, вовсе не была в этом убеждена.

— Я хочу, чтобы мы оба разделили этот опыт. Как равные. Я никогда не делился кровью с моей парой. И ты тоже. Для нас этот опыт будет первым. Совместным. — Голос Маркуса оставался мягким, но чувствовалось: сам он на грани отчаяния.

Слова Фиби затронули очень чувствительную точку в сознании Маркуса. Равенство всегда было предметом его глубочайшей заботы. Женщина или ребенок, просящие подаяние на улицах; шуточка с расистской начинкой, услышанная в метро; старик, переходящий улицу в толпе спешащей молодежи, чьи уши заткнуты наушниками, а внимание поглощено разго-

вором по мобильнику, — все это вызывало у Маркуса негодование.

— Нам нужно было сбежать и тайком пожениться, — сказал Маркус. — Сделать все по-своему и не заморачиваться древними традициями и церемониями.

Но ведь они вместе приняли решение двигаться медленно, выверенными шагами.

Изабо де Клермон, женская глава семейства и бабушка Маркуса, с ее обычной ясностью разобрала все «за» и «против» нарушения вампирских традиций. Начала с недавних семейных скандалов. Мэтью, отец Маркуса, женился на ведьме, нарушив действующий почти тысячу лет запрет на близкие отношения между существами разных пород. Затем Мэтью чуть не погиб от рук своего отверженного и психически больного сына Бенжамена. Все это заставляло Фиби и Маркуса выбирать одно из двух. Они могли как можно дольше скрывать превращение Фиби в вампира и их брак. Но потом их ждали бы десятилетия слухов и домыслов. Всем было бы крайне интересно и важно узнать, что же на самом деле происходит у этой парочки. По второму варианту Фиби сначала становилась вампиром, а затем — с надлежащей помпой и полной прозрачностью — выходила замуж за Маркуса. В этом случае им придется год выдерживать неудобства, потом еще десять-двадцать лет оставаться предметами назойливого внимания, после чего — наслаждаться бесконечным временем относительного мира и спокойствия.

Определенную роль в решении Фиби сыграла и репутация Маркуса. Среди вампиров он был известен своей импульсивностью и стремлением вступать в борьбу со злом всего мира, не заботясь о том, как к этому отнесутся другие породы. Фиби надеялась: если в вопросе брака они соблюдают традиции, Маркус войдет в ряды уважаемых вампиров и его идеализм станет восприниматься в более позитивном свете.

— Ты помнишь, что традиции служат полезным целям? — твердым тоном спросила Фиби. — И потом, мы придержива-

емся далеко не всех правил. Твой секретный план с мобильниками более не является секретным. Фрейя знает.

— С ней всегда нужно держать ухо востро, — вздохнул Маркус. — Бог свидетель, во Фрейе живет ищейка. Мимо нее ничто и никто не проскользнет. Но ты не волнуйся, Фрейя не возражает против наших разговоров. Это Мириам мертвой хваткой держится за порядок.

— Мириам сейчас где-то на Монмартре, — сказала Фиби, взглянув на часы.

Половина первого. Мириам скоро вернется. До этого надо завершить разговор и уничтожить телефон.

— Вокруг Сакре-Кёр неплохие охотничьи угодья, — с одобрением произнес Маркус.

— Вот и Фрейя так говорит.

И снова между ними повисла тишина, становясь все тяжелее от недосказанного и невысказанного. О чем-то они и хотели бы сказать, но не знали как. В конце осталось всего пять слов, достаточно важных, чтобы произнести вслух.

— Я люблю тебя, Маркус Уитмор.

— И я люблю тебя, Фиби Тейлор, — ответил Маркус. — Какое решение ты бы ни приняла через девяносто дней, считая с сегодняшнего дня ты уже моя пара. Ты у меня под кожей, в крови, в мечтах. И не беспокойся. Ты станешь потрясающей вампиршей.

Фиби не сомневалась, что ее преобразование пройдет успешно. Она станет бессмертной и могущественной. Плюсов в ее новой жизни окажется великое множество, а минусов — жалкая горстка. Но смогут ли они с Маркусом построить отношения, способные выдержать века, как у бабушки Маркуса с ее мужем Филиппом?

— Я буду думать о тебе, — пообещал Маркус. — Каждое мгновение. — И Маркус отключился.

Фиби держала телефон возле уха, пока мобильный оператор не разорвал вызов. Тогда она вылезла из ванны, взяла банку с ароматическими солями, разбила телефон, после чего

открыла окно и как можно дальше зашвырнула уничтоженный мобильник. Ликвидация улики, указывающих на их с Маркусом отступление от традиций, было частью плана Маркуса. Эту часть Фиби решила выполнять неукоснительно, даже если Фрейя знала о запрещенных телефонах.

Разбитый телефон плюхнулся в пруд с рыбками. Фиби осталась довольна услышанным звуком.

Избавившись от компрометирующей улики, Фиби сняла платье и повесила в гардероб. Полосатый пластиковый мешок вновь оказался наверху, вне поля зрения. На кровати лежала простая шелковая ночная рубашка, приготовленная Франсуазой.

Надев рубашку, Фиби уселась на край кровати и замерла, решительно глядя в лицо своему будущему и ожидая, когда время ее найдет.

Часть I

ВРЕМЯ НАС НАШЛО

В нашей власти начать этот мир заново.

Томас Пейн

Глава 2

Ниже нулевой отметки

13 мая

Фиби встала на весы.

— Боже мой, какая же ты тощая! — заявила Фрейя; она общала показатели Мириам, а та заносила их в подобие медицинской карточки. — Пятьдесят два килограмма.

— Фиби, я же просила тебя набрать три килограмма, — напомнила Мириам. — Весы показывают, что ты набрала только два.

— Я старалась. — Фиби не понимала, с чего это она извиняется перед вампиршами, чья, с позволения сказать, диета состояла из сырой пиццы и жидкостей. — Подумаешь, килограммом меньше. Какая разница?

— Разница в объеме крови, — ответила Мириам, пытаясь сохранять терпение. — Чем больше ты весишь, тем больше в тебе крови.

— А чем больше в тебе крови, тем большее ее количество тебе понадобится взять от Мириам, — продолжала Фрейя. — Мы хотим убедиться, что Мириам отдаст столько же, сколько заберет. Тем меньше риск отторжения при эквивалентном обмене человеческой крови на вампирскую. Мы хотим, чтобы ты получила как можно больше вампирской крови.

Эти расчеты продолжались не один месяц. Объем крови. Минутный объем сердца. Вес. Поступление кислорода. Не знай Фиби, к чему она готовится, то решила бы, что проходит обследование на предмет вхождения в сборную Англии по фехтованию, а не в семью де Клермон.

— Ты уверена, что выдержишь боль? — спросила Фрейя. — Мы можем дать тебе какое-нибудь болеутоляющее. Совсем не обязательно испытывать дискомфорт. Новое рождение вовсе не должно быть болезненным, как в прошлом.

Об этом тоже постоянно велись дискуссии. Фрейя и Мириам рассказывали леденящие душу истории о собственном превращении. Тело, наполняющееся кровью существа нечеловеческой природы, испытывало невероятную боль. Вампирская кровь душила, подавляла все следы человеческой природы, пытаясь сделать из нового вампира совершенного хищника. Принимая кровь понемногу, новорожденный вампир мог безболезненно или почти безболезненно приспособиться к поступлению нового генетического материала. Но опыт показывал: тогда и у человеческого тела появлялось больше шансов отторгнуть кровь создателя, предпочтя смерть перерождению. Быстрое потребление вампирской крови давало противоположный результат. Это сопровождалось невыносимой болью, однако ослабленный человеческий организм не имел ни времени, ни ресурсов для контратаки.

— Боли я не боюсь. Давайте же наконец завершим все эти приготовления. — Тон Фиби указывал, что она надеялась положить конец надоевшим обсуждениям.

Фрейя и Мириам переглянулись.

— А как насчет местной анестезии в точке укуса? — спросила Мириам, вновь превращаясь в профессионального медика.

— Мириам, оставь, ради бога! — В те моменты, когда Фиби не ощущала себя потенциальной участницей олимпийской сборной, у нее складывалось убеждение, что она объект дотошного предоперационного консилиума. — Я не хочу никакой анестезии. Я хочу почувствовать укус. Почувствовать боль. Это ведь единственный процесс рождения, который у меня будет. Я не хочу ничего пропустить. — Здесь у Фиби было предельно ясное понимание. — Ни один акт творения еще не проходил безболезненно. Чудеса должны оставлять отметину, чтобы мы помнили, сколь они драгоценны.

— Что ж, прекрасно, — отрывисто, с напором произнесла Фрейя. — Двери заперты. Окна тоже. Франсуаза и Шарль дежурят у входа. Так, на всякий случай.

— Я по-прежнему считаю, что нам следовало провести это в Дании. — Даже сейчас Мириам продолжала анализировать процедуру. — В Париже слишком уж много бьющихся сердец.

— В это время года световой день в Лейре длится пятнадцать часов. Фиби не сможет быстро приспособиться к такому изобилию солнечного света, — возразила Фрейя.

— Да, но что касается охоты... — начала Мириам.

Фиби знала: сейчас последует обстоятельное сравнение французской и датской фауны с учетом питательных качеств той и другой, разницы в размерах, свежести, сопоставление живности, выращиваемой на ферме, с дикой, а также долгие разговоры о непредсказуемости аппетита новорожденного вампира.

— С меня хватит! — заявила Фиби, направляясь к двери. — Может, Шарль не будет мучить меня говорильней и сразу приступит к делу. Честное слово, я больше не выдержу всех этих приготовлений!

— Она готова, — хором сказали Мириам и Фрейя.

Фиби отвернула просторный ворот белой ночной рубашки, обнажая кожу с выступающими венами и артериями:

— Тогда начинайте.

Не успела она произнести эти слова, как почувствовала резкое прикосновение острых зубов.

Онемение.

Покалывание.

Сосущие звуки.

У Фиби появилась слабость в ногах. Быстрая отдача крови вызвала шок. Голова поплыла. Мозг подал сигнал: она подверглась нападению и находится в смертельной опасности. Это, в свою очередь, вызвало подъем адреналина.

Поле зрения сузилось. Комната погрузилась в сумрак.

Сильные руки подхватили ее.

Фиби плавала в бархатной темноте, погружаясь в слои спокойствия.

Покой.

Обжигающий холод вернул ее в сознание.

Фиби замерзала и горела.

Она закричала от ужаса, ощутив, что пылает изнутри.

Кто-то поднес к ней руку, мокрую и соблазнительно пахнущую.

Медь и железо.

Соль и сладость.

Это был запах жизни. *Жизни.*

Фиби тыкалась в руку, как младенец, ищущий материнскую грудь. Плоть находилась дразняще близко от ее рта, не достигая губ.

— Ты выбираешь жизнь? — спросила ее создательница. — Или смерть?

Фиби собрала все имеющиеся силы, чтобы приблизиться к животворному источнику. Вдалеке кто-то медленно и равномерно стучал. Потом она поняла: это не кто-то. Это...

Удары ее сердца.

Пульс.

Кровь.

Фиби почтительно поцеловала холодную руку ее создательницы, смутно осознавая предложенный дар.

— Жизнь, — прошептала она, прежде чем сделать первый глоток вампирской крови.

По мере того как могущественная субстанция разливалась по ее венам, тело Фиби взрывалось от боли, скорбя по утраченному и предвкушая грядущее, скорбя по всему, кем ей уже не быть и кем она станет.

Ее сердце начало творить новую музыку: медленную и уверенную.

«Я живу», — пело сердце Фиби.

Нулевая отметка пройдена.

Отныне и навеки.

Содержание

Глава 1. Нулевая отметка	7
--------------------------------	---

Часть I

ВРЕМЯ НАС НАШЛО

Глава 2. Ниже нулевой отметки	23
Глава 3. Блудный сын возвращается	27
Глава 4. День первый	46
Глава 5. Грехи отцов	52
Глава 6. Время	71
Глава 7. День второй	81
Глава 8. Кладбище	91
Глава 9. Корона	108
Глава 10. День третий	130
Глава 11. Свобода и ограничения	140
Глава 12. Боль	158
Глава 13. День девятый	173
Глава 14. Время бед	186
Глава 15. Оживший мертвец	200
Глава 16. Хромой	220
Глава 17. Имя	237

Часть II

ВРЕМЯ РАССТАВАНИЯ

Глава 18. День пятнадцатый	257
Глава 19. День двадцать первый	266
Глава 20. Если надломлена ветка... ..	274
Глава 21. Отец	284
Глава 22. Младенчество варга	305

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 23. День тридцатый	333
Глава 24. Тайная рука	342
Глава 25. Зависимость	354
Глава 26. Вавилон	370
Глава 27. Разрыв	385
Глава 28. День сорок пятый	409
Глава 29. Их порция свободы	416
Глава 30. Долг	429
Глава 31. Настоящий отец	451
Глава 32. Будущее	466
Глава 33. День шестидесятый	490
Глава 34. Миг жизни краток	497
Глава 35. День семьдесят пятый	511
Глава 36. День девяностый	517
Глава 37. Отгородиться от мира	524
Глава 38. День сотый	531
Благодарности	539